

СЕТЕВАЯ ВОЙНА И БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Сергей Малинин

Вместо предисловия

Эта работа была написана за несколько месяцев до «оранжевой» революции на Украине, до государственного переворота в Киргизии. Упомянутые события еще раз подтвердили правильность сделанных в статье выводов, поэтому никаких дополнительных правок по следам этих «революций» в нее не вносилось. Примеров хватало и хватает. И будет хватать.

Часть первая

Что такое сетевая война? Нет, это не козни мифических хакеров. Более того, к компьютерным сетям это имеет весьма косвенное отношение. Если кратко, то сетевая война – это совокупность воздействий (преимущественно информационных), носителями которых является сетевая структура.

Сетевые войны, сетевые сообщества – новые термины и новые темы, ставшие популярными благодаря трудам интеллектуалов из одиозной корпорации «RAND» Дэвида Ронфельда (David Ronfeldt) и Джона Аркилла (John Arquilla). Их доклад “Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy” произвёл сильное впечатление на военных экспертов, публицистов и просто мыслителей всего мира.

По большому счёту, американские аналитики, как всегда, не придумали ничего нового. Их работа является скорее обобщением человеческого опыта. Тем не менее, ценность их труда бесспорна. Им первым удалось сформулировать, описать и украсить звучными терминами одну из естественных форм организации чего бы то ни было и один из древнейших методов экспансии.

На примере террористических, экологических и прочих протестных сообществ были показаны основные признаки и отличительные особенности сетевых структур. В этих примерах сетевая структура противопоставляется иерархической. Сетевые (иначе говоря, распределённые) структуры не являются чьим-то изобретением. Распределённые очаги, взаимодействующие через сложные системы связей, представляют собой естественный механизм функционирования человеческого общества. Но тот, кто умеет собирать эти разрозненные очаги, – тот становится их пользователем. Сетевые структуры, наряду с иерархическими, являются одной из моделей организации сообществ.

В поиске универсального определителя для описания структуры сетевых организаций был предложен акроним SPIN, расшифровывающийся как Segmentary, Polycentric, Integrated Network – разрозненные, не имеющие единого центра, интегрированные сети. Коряво, но, тем не менее, отражает суть явления.

Конечно, сетевые структуры начались не с экологических движений и не с террористических. И даже зарождение институтов гражданского общества не было точкой отсчёта для сетевых сообществ. История всех времен знает множество примеров, когда претензии на гегемонию претворялись в жизнь через некое подобие сетевой войны. Однако подлинный триумф этого метода был во многом обеспечен информационной революцией, за последние полвека охватившей планету.

Сеть побеждает иерархию

Иерархические структуры наиболее характерны для государственных организаций, традиционных партий и тоталитарных сект. У сетевого сообщества нет явного центра. «Мускулы» сети – это рой сообществ, часто неформальных. Их создают люди, находящиеся во власти некой сверхидеи.

Виды организационных структур различаются между собой методами транспортировки информации или воздействий. Метод доставки информации от старшего элемента структуры к младшему (от начальника – к подчинённому) называется иерархическим. Жёсткое вертикальное подчинение, неукоснительное соблюдение субординации дают явные преимущества в области дисциплины, порядка, чистоты заложенных идей, если их безусловным носителем является верхушка иерархической пирамиды. Такая форма организации безальтернативна для министерства, военного управления – там, где неоднозначность информации/воздействия, искажение информации, а также возможность проникновения инородных элементов недопустимы.

Вместе с тем, иерархический принцип не лишён пороков. Главным из них является узость каналов транспортировки информации. При поражении одного из звеньев иерар-

хии (если рассматривать иерархическую цепь как пирамидальную структуру) с большой вероятностью прерывается связь с подчинёнными ему ветвями. На этом строится самая распространённая методика борьбы с иерархическими структурами – выбивается центр, после чего оставшаяся конструкция либо распадается, либо ждёт нового «хозяина». Такой метод широко применяется в традиционных войнах – выбивание центров боевого управления приводит к парализации войск противника. Сюда же относится искусственное «перерождение» части правящих государственных элит, яркий пример чему – формирование «пятой колонны» в военно-политическом руководстве СССР в 1970-80 годах.

Сетевую структуру так просто не уничтожить. У сетевого сообщества нет явного управляющего центра. В идеальном случае его роль играет некая сверхидея. К примеру, у арабов это создание палестинского государства, у левацких группировок – борьба с глобализацией. Конечно, в мире нет ничего идеального, и обычно присутствует некая скрытая координирующая сила, которая, как правило, до последнего момента остаётся в тени, чем обеспечивает свою безопасность. Но даже при наличии такой силы её легализацией в обществе всё равно является либо идея, либо пакет идей.

«Мускулы» сети – это рой сообществ, часто неформальных. Их создают люди, находящиеся во власти сверхидеи. Объединяющим моментом для этих организаций является принцип комплиментарности («мы с тобой – одной крови»). Проявляется это в виде реализации совместных проектов – митингов, шествий, вооружённых столкновений, информационного освещения. Но эти слияния недолговечны и относятся к сиюминутному порыву. Участие элемента сетевой структуры в коллективном проекте может быть либо нормальной реакцией в рамках сверхидеи на текущие события, либо исполнением воли единого центра – незримого координатора сети. К первому случаю относятся драки футбольных фанатов после проигранных матчей, ко второму – синхронные выступления оппозиционных сил в Беларуси. И в том, и в другом случае налицо объединение множества группировок для проведения собственной политики.

Но окончательное и бесповоротное объединение всех обществ, даже пусть исповедующих общие идеи, в одну огромную организацию невозможно. Объединительный момент компенсируется тщеславием и амбициями лидеров сообществ. Мы можем часто наблюдать в подобных движениях слияния и укрупнения, а также распад одной организации на множество мелких.

Все имеющиеся примеры реального объединения стихийных движений в одну организацию (не путать с многочисленными «народными фронтами» и прочим, что является одной из рамочных форм сотрудничества) всегда искусственны и связаны с применением силы (физическим устранением конкурирующих лидеров), которая, в свою очередь, бывает связана с волей неких закулисных игроков. Вспомним, как из сброда социалистических и коммунистических движений конца XIX – начала XX века огнём и мечом были выкованы НСДАП и КПСС – чисто иерархические пирамиды, со всеми своими пороками.

Но вечная раздробленность сетевых сообществ как раз и даёт им уникальные преимущества, первым из которых является неуязвимость. Уничтожение или запрет нескольких групп приведёт лишь к оттоку их членов в аналогичные организации. На уничтожение лидеров сеть ответит выдвижением новых вожаков.

Другим важным достоинством сети является взаимосвязь каждого элемента сети со всеми остальными. Каждый член сети за свою социально активную жизнь проходит через несколько сообществ, числясь иногда сразу в нескольких. При

этом множатся его связи и знакомства, которые становятся достоянием того сообщества, где он состоит в текущий момент. Паутина внутренних связей образует многомерную сеть, и по ней любая информация, запущенная с одного конца, обязательно дойдёт до другого одним из множества возможных путей. Между прочим, аналогичным образом информация распространяется в сети Интернет.

Неуязвимость и взаимосвязь – в этом особенность сетевых организаций, в этом особенность сетевых войн.

Как воздействовать на Президента?

Даже самые отсталые экземпляры человечества, те, кто не читает газет, не слушает радио и не смотрит телевизор, рано или поздно узнают все новости... Но как?

По своей сути, человеческое общество является ярким примером сетевой структуры. Кроме этого, людские сообщества являются как объектами, так и субъектами сетевых войн, что вынуждает нас рассмотреть подробнее их природную организацию.

Человечество в большинстве своём одержимо несколькими общими идеями, к примеру, выживанием и продолжением рода. Структурно человечество состоит из бесчисленного множества сообществ, причём практически каждый человек состоит одновременно в нескольких сообществах.

Возьмём среднестатистического человека, для упрощения дадим ему имя Сергей. Как правило, Сергей является членом своей семьи. Также у него есть свой круг общения среди коллег по работе. Периодически он общается со своими школьными и институтскими друзьями. Изредка он с частью институтских друзей и коллег по работе ездит на рыбалку. И, вдобавок ко всему, Сергей вполне может состоять в какой-нибудь секте. Итак, «герой нашего времени» вращается в среднем в пяти сообществах, которые пересекаются друг с другом как минимум в одной точке, которой является наш персонаж.

В свою очередь, люди, составляющие среду общения Сергея, контактируют с другими группами, о которых Сергей может даже не знать. Но значит ли это, что Сергей отрезан от остального мира границами своих сообществ? Нет, потому что те, с кем общается Сергей, тоже имеют свои контакты, и не только со знакомыми Сергея. Цепи человеческих связей и образуют множественные информационные каналы, которыми переплетено всё человечество.

Информационные (коммуникативные) каналы разделяются на два типа: двунаправленные и однонаправленные. К последним относятся СМИ в самом широком смысле – от телевидения до надписей на заборе. СМИ выпускают в народ информацию, которую каждый член общества (тот же среднестатистический Сергей) воспринимает, как говорится, «в меру своей испорченности». В таком пережёванном виде информация продолжает свой путь от Сергея к его кругу общения, и эта итерация продолжается бесконечно, охватывая всё новых и новых людей. Этот способ транспортировки информации мы называем двунаправленным, так как передача сведений происходит в диалоге, что накладывает отпечаток как на принимающую, так и на передающую стороны. В народе это называется «сарафанным радио».

Названные способы транспортировки информации существуют параллельно, дополняя друг друга. Средство массовой информации разом может донести сообщение лишь до своей, всегда ограниченной аудитории. Но если сообщение хотя бы минимально достойно внимания, «сарафанное радио» может увеличить аудиторию сообщения в разы, превратив его в самое мощное оружие войны – слух со ссылкой на какой-то уже забытый источник. Естественно, что слух будет распространяться быстрее по направлению к той социогруппе, которая имеет отношение к распространяемой информации – и в этом ещё один плюс двунаправленного способа транспортировки информации.

С теоретической точки зрения, от «уха к уху» информация

может распространиться бесконечно широко благодаря сетевой структуре человеческого общества. Как утверждает социология, все без исключения люди на планете связаны между собой через общих знакомых. Невероятно? Тем не менее, это факт. На практике это выглядит так: предположим, у Сергея (раз уж мы взяли его в качестве примера) есть друг – бизнесмен средней руки, который в свою очередь имеет тесные контакты с более крупным дельцом, который в свою очередь общается с министром, который в свою очередь в фаворе у Гаранта Конституции. Итак, через цепочку из трёх человек простой парень Сергей общается с самим Гарантом Конституции. В науке это называется контакт четвёртого порядка. И не исключено, что какая-нибудь смешная история, рассказанная однажды Сергеем своему приятелю-бизнесмену, не всплывёт потом на светском рауте в Кремле.

По утверждениям социологов, обычно порядок контактов не превышает восьми. То есть максимум, что может отделять двух граждан, к примеру, нашей страны, друг от друга – это цепочка из семи-восьми общих знакомых. На практике оказывается и того меньше.

Таким образом, работа с общественным мнением может быть гораздо эффективнее, чем обычная раздача взяток, силовые акции и так далее. Информацией, запущенной через СМИ (однаправленная связь) и пережёванной обществом в нужном ключе (двунаправленная связь, «сарафанное радио»), можно влиять на целые общества, в том числе, и на людей, принимающих решения. В разных ситуациях это будут разные люди. Но кто бы это ни был – все они доступны для влияния, так как люди читают газеты, смотрят телевизор, слушают радио, и, в конце концов, общаются друг с другом.

Часть вторая

Черные полковники информационных войн

То, что будет описано в этом разделе о сетевых войнах, многим покажется чем-то до боли знакомым. Мы и не претендуем на открытие новых истин. Мы просто предлагаем новый взгляд на управление общественными процессами. Так же, как танковые атаки Гудериана были лишь переосмыслением опыта Первой мировой войны, так и сетевой подход к ведению политических, корпоративных и прочих войн может оказаться ключом к победе. Во всяком случае, наши заклятые западные «друзья» в это верят и с успехом применяют данный подход на практике.

Основным «маневром» сетевой войны является распределенная атака. Конечный объект атаки прямо или опосредованно подвергается множеству различных воздействий. В итоге объект попадает под пристальное внимание общества, компетентных органов, либо – мировой общественности. Все зависит от поставленной задачи и выделенного на атаку бюджета. Кстати, термином «распределенная атака» назван один из видов хакерской атаки в компьютерных сетях. Суть этой атаки состоит в одновременном осуществлении с десятков тысяч компьютеров миллионов воздействий-обращений к какому-нибудь серверу – жертве атаки. Интересно, что, как и в реальной жизни, пользователи компьютеров, с которых атака осуществляется, могут и не знать об этом. За них всю работу делают программы-вирусы, окольными путями попавшие на их машины.

Кроме специалистов по IT-безопасности, методика сетевых войн будет наиболее близка и понятна «чёрным полковникам» информационных войн. Те, кому приходилось руководить операциями по продвижению проблемных кандидатов на проблемных выборах или же участвовать в крупных хозяйственных спорах, на практике изучали правила сложных противоборств, сочетающих в себе информационные, силовые и административные удары.

Многоходовые комбинации и интриги, за которыми зачастую не видно заказчика, широкий спектр мер воздействия, использование людей «втемную» – эти признаки сетевых войн характерны и для хорошо сработанных PR-кампаний. Скажем так: PR – неотъемлемая часть сетевой войны, но только лучшие PR-кампании строятся по сетевому принципу. По сути, и в том и в другом случае ставятся сходные условия: решить поставленные задачи без запредельных затрат и кровавой бани. Это справедливо как для захвата предприятия, так и для покорения страны, различаются лишь расходы, риски и дивиденды.

Любая война – это цепь воздействий, направленных на решение конкретных задач. Как правило, всегда существует несколько разных способов достижения поставленной цели. К примеру, если речь идёт о смене власти в какой-нибудь отдельно взятой стране, то вариантами могут быть: переизбрание действующей власти на всенародных выборах, народное восстание, военный переворот, «бархатная революция» с бескровным уходом старой элиты под нажимом общественного мнения либо под иностранным военно-дипломатическим давлением. Добиться желаемого результата одним «единолично верным» путём удаётся редко. Обычно побеждает комбинация методов.

В любом случае превалирующей является тенденция к бескровным решениям. В эпоху тотальной «гуманизации» бойня считается дурным тоном. Мировая общественность спит спокойнее, если внешне всё выглядит пристойно. Благодаря современным технологиям и накопленному опыту, даже геноцид можно вести без газовых камер и массовых расстрелов. Достаточно создать условия для сокращения рождаемости и увеличения смертности. Так же обстоит дело и с порабощением народов – нет смысла идти напролом с огнём и мечом. Уроки Кореи, Вьетнама и Ирака вопиют об этом. Откровенное насилие обычно порождает сопротивление, которое с увеличением давления лишь усиливается.

Большого успеха можно достичь, оболванивая народ, меняя его стереотипы и поведенческие нормы, чтобы даже силовое развитие событий воспринималось им как должное. Разложение социалистического лагеря – яркий пример того, что работа с общественным мнением значительно эффективнее обычных войн. Сетевые войны вообще на порядок дешевле, чем большая война с применением огнестрельного вооружения.

Таким образом, главная цель сетевой войны – изменить вектор общественного мнения, подготовить его морально к крутым переменам, будь то смена руководства страны или крупной корпорации. Когда общество, против которого идёт война, пребывает в блаженном состоянии мира и благобно улыбается захватчикам – это верх мастерства воздействия на массовое сознание.

Оружие сетевых войн

Сеть строится на основе ячеек гражданского общества и средств массовой информации. В сетевой войне силовой и административный ресурс делят последние места. Хотя их воздействие ставит последнюю точку в исходе войны.

Главным ресурсом сетевой войны является сетевая инфраструктура. Сеть плетется из множества узлов, каждый из которых выполняет свою, зачастую узкоспециализированную, задачу.

Сеть строится на основе четырёх составляющих. В первую очередь, это организации гражданского общества, а также политические организации. Второй по важности элемент – средства массовой информации. Силовой и административный ресурсы делят последние места, несмотря на то, что именно их воздействие часто оказывает решающее воздействие на ход войны.

Строительный материал сети – это в первую очередь элементы так называемого гражданского общества. Что же это такое?

Исходя из концепции, гражданское общество призвано быть инструментом контроля народа (который теоретически является источником власти) над государством. В идеале, гражданское общество должно носить общинный характер. Наиболее показательными примерами могут служить независимые профсоюзы и институт местного самоуправления, который в России пока плохо развит вследствие пассивности общества и скупоści государства.

Наибольшее распространение в России получили негосударственные организации (НГО), противопоставляющие себя власти. Бурный рост таких общественных организаций в странах бывшего СССР пришёлся на 80-е годы. Их кадровый костяк составили так называемые «шестидесятники», диссиденты, правозащитники, «экологи» (очень часто не имеющие никакого отношения к этой уважаемой науке), и другие социально активные граждане, среди которых было много маргиналов.

За рубежом, в странах, которые принято называть развитыми, НГО как массовое явление появились в 60-х годах. Это была протестная реакция общества на маккартизм, несправедливые империалистические войны, хищническое отношение к природе, попрание прав человека. Энтузиазма у правительств институтов гражданского общества не вызывали. Если за действиями одних чудилась «рука Москвы», то действия других (например, «зелёных») со временем начали наносить прямой ущерб экономике. Массовые акции протеста «экологических» организаций на вредных промышленных производствах приводили к простоям в работе, а иногда и грозили аварией.

В отличие от государства, СМИ симпатизировали общественникам. Несмотря на всю кажущуюся несерьёзность НГО, отсутствие профессионализма и должного финансирования, им удалось многое. Именно их усилиями была остановлена вьетнамская война. Именно они сделали экологию политическим фактором. Игнорировать влияние негосударственных организаций и их общественный вес теперь невозможно.

Когда западные правительства попытались бороться с гражданским обществом, их ждал ещё один сюрприз. Разогнав одну «шайку оборванцев» (выражение президента США Никсона), правительство США столкнулось с тем, что те же «оборванцы» всплывали в десятке других организаций. Общество сразу же, не разбираясь в деталях, делало из «обиженных» – героев. При таком множестве организаций дефицита мелких лидеров не было, а репрессии против всенародных любимцев были чреваты массовыми демонстрациями и поражением правящих партий на выборах.

Отчаявшись победить разнузданную социально активную толпу, западные технократы поступили мудрее и дальновиднее – взяли НГО под контроль. Самый надёжный поводок – финансовый. Для финансирования гуманитарных программ НГО были созданы благотворительные фонды, подотчётные государственным спецслужбам. Тем самым они выбили неподконтрольных энтузиастов, заменив их более практичными и покладистыми людьми, не нашедшими себя в других отраслях. Фактически часть гражданского общества была превращена в бизнес. Однако оставался определённый процент «отморозков» – например, GREENPEACE (США), «Хранители радуги» (США), «Радикальная партия» (Италия). Судя по всевозрастающей активности таких организаций, в России им нашли достойную нишу.

«Боевое крещение» НГО

Как оружие войн нового типа, гражданское общество «жахнуло» по существовавшей власти в Польше. Федерация независимых профсоюзов «Солидарность» оказалась единственной реальной силой в стране, которая была способна разрушить полувоенную коммунистическую диктатуру.

Полтора десятка лет правительство Польши и советские

спецслужбы боролись с этой «заразой», сажая её активистов и организуя внутренние раздоры. Советской разведке удалось завербовать самого Леха Валенсу (о чём стало известно позднее, когда в Польше был принят закон о люстрации). Но укрощение и выбивание отдельных лидеров не смогло остановить рост демократических настроений. Просто однажды, после очередных выборов, все места в парламенте достались представителям «Солидарности».

«Солидарность» навеки вписала себя в историю, хотя её опыт был неоднократно воспроизведен по всему периметру бывшего СССР. Не обошло это и Россию.

Сценарий везде был одинаков.

Вот как описывает это Глеб Павловский (далее – Г.П.) в интервью «Русскому журналу» (Р.Ж.):

– В 80-е годы существовали кооперативы, которые, строго говоря, не являлись кооперативами как экономическими субъектами. На самом деле они были кассовыми структурами гражданского общества и осуществляли его финансирование из... государственного бюджета. Был выстроен механизм откочки безналичных средств, превращения их в наличные и финансирования неформальных групп. Обратите внимание: финансировались не какие-то «подпольные батальоны». Деньги шли в реально существовавшие неформальные группы – группы друзей, группы политически близких общественных классов, группы религиозные, культурные, этнические, которые объявляли себя «кооперативами». Это был самый простой способ зарегистрироваться. Все эти группы включались в массовый процесс обналичивания советских безналичных рублей. Мы знаем, как он вымыл деньги из государственного бюджета, но именно такова была официальная политика бюджетного финансирования общественной деятельности. И поскольку это происходило достаточно долгое время, нельзя сказать, что подобная политика была случайностью. Она породила многолетнюю убежденность в том, что политика – это разновидность системы обналичивания.

Р.Ж.: А за граница – помогала?

Г.П.: Существовала программа «Гражданское общество» Фонда Культурной Инициативы, позже известного как фонд Сороса. Я был одним из директоров этой программы. Программа возникла в 1989 году – с очень простой задачей: быстро включиться в процесс выборов, которые готовились на 90-й год, и создать максимально разветвленную систему технической поддержки структур Гражданского общества. И по возможности – максимально увеличить на выборах число условно-демократических политиков. Мы эту задачу решили. Сорос проявил себя осторожным финансистом, денег едва хватало. На всю программу ушло порядка 1 млн. долларов, но мы эти деньги «квантовали», делали «пакет»: ксерокс, факс, компьютер, принтер, плюс небольшие деньги на офис-секретариат. Огромное количество этих мелких грантов разбрасывалось по всей стране. В 1991 году возникла реальная сеть. Интересно, что тогда еще не было Интернета (в нынешнем смысле слова), но сеть называлась «информационная среда». Можно сказать, что Интернет для нас придумал Сорос».

Часть третья

Генеральный заказчик ставит глобальную задачу

Гражданское общество, таким образом, явилось той самой силой, которая привела к взрывным преобразованиям на рубеже 80-90-х годов – к так называемой «демократической революции».

Глеб Павловский привёл лишь одну из многих программ, действовавших в СССР в те годы. Фонд Сороса не был единственным. Были ещё программы Госдепартамента США, фи-

нансировавшиеся через USAID, были фонды Ротшильда и Мак Даулла. Были десятки других, менее заметных организаций. Впрочем, они есть и сейчас.

Так было у нас, так же было в Югославии, в Грузии и во множестве других мест, включая сегодняшнюю Украину и Белоруссию, страны Средней Азии. Разве что местами борьбу за «демократию» необходимо было подкреплять ракетно-бомбовыми ударами. Но это скорее ритуал, такой же, как расправа с проигравшими собственниками в спорах хозяйствующих субъектов. В целом же подход везде одинаков.

Некий Генеральный Заказчик ставит глобальную задачу. Под эту задачу агенты Заказчика выстраивают сетевую инфраструктуру из сотен общественных организаций, оппозиционных сил, журналистов или даже целых СМИ. В некоторых случаях (когда предполагается активное использование силового ресурса) контакт устанавливается с криминальными, террористическими и экстремистскими структурами. При работе с первой группой сил – общественными структурами и СМИ – инструментом контроля и мотивации выступают гранты на гуманитарные акции и исследования. Во втором случае, когда в ход идут криминал, экстремисты-террористы, оплата идет также через гранты, с той разницей, что выплачиваются они через другое кассовое окно.

Если же говорить о применении административного ресурса в решении той или иной задачи, то он либо воспитывается в течение многих лет (что более характерно для спецслужб), либо покупается/вербуются на месте (более частый случай, применяемый в том числе и на выборах).

Итак, под некий бюджет и задачи развивается инфраструктура. На лёгкий доллар сбегается всё больше и больше людей. Часть из них даже станут искренне верить в те ценности, которые они проповедают. И уж точно большинство из них не будет ведать о том, на кого работает. Как мы уже говорили, видеть лицо истинного хозяина дано не всем и не каждому, вся деятельность по найму и вербовке персонала идет через подставных лиц, агентов, которые играют роль хозяина.

Одержимые идеей люди – вообще тема для отдельного разговора. Можно набрать сколь угодно много профессионалов, которые будут не на страх, а на совесть работать, но горстка одержимых принесёт значительно больше пользы. Они смогут решиться на самые радикальные акции, именно они смогут завести толпу. Гитлер, Валенса, Ельцин образца 1991 года – эти люди были одинаково одержимы, каждый – своей идеей. Отдача от таких людей превысит вложения в них.

И теперь представьте себе такую картину: сотни организаций выполняют тысячи разных проектов. Тысячи разных векторов, суммарный вектор которых ведёт к одной цели. Вероятность успеха одного проекта может быть сколь угодно минимальной. Какая польза, например, от одного пикета или же от нескольких тысяч напечатанных листовок? Минимальная. Но вкупе все эти проекты представляют собой рой, облепляющий противника, изматывающий, разрывающий его на мелкие-мелкие кусочки. Между прочим, упомянутые эксперты RAND Аркилла и Ронфельдт также называли этот принцип «swarming», то есть «принцип роения».

Можно привести и другую аналогию, взятую из одной из самых точных дисциплин – теории вероятностей. Хрестоматийный пример: какова вероятность сбить самолёт, который летит на небольшой высоте, выстрелом из винтовки? Вероятность минимальна, почти равна нулю. Но она всё равно есть, пусть даже мизерная. Залповая ружейно-пулемётная стрельба увеличивает эту вероятность многократно.

Сетевые программы Гражданского общества

Что собой представляют сети и как они строятся, можно

проследить на примере антикоррупционных программ USAID и Transparency International, которые, охватывая какой-либо регион, разворачивают в нём местную сеть общественных организаций, называя ее «коалицией» или же «партнёрством». Например, в «Коалицию противодействия коррупции» одного из уральских городов входит порядка 40 различных организаций, среди которых есть как чисто общественные, так и коммерческие структуры. Финансирование всех организаций идёт целенаправленно через аппарат Коалиции. Но деньги идут не в сами организации, а на конкретные проекты. Структуры, задействованные в проекте, могут распадаться, объединяться, но сумма от перемены слагаемых не меняется – люди и их задачи остаются прежними. Размер гранта для России составляет в среднем от пяти до двадцати тысяч долларов. При этом каждый работает в меру своих способностей. Кто-то печатает бюллетени, кто-то налаживает связи со СМИ и чиновниками, кто-то проводит семинары. Небольшие телекомпании готовят нужные программы для местного телевидения, не избалованного качественной «картинкой». Каждый в отдельности делает общественно важное и нужное дело – грех с этим не согласиться.

На бесплатных семинарах с предпринимателями и обычными гражданами устанавливается обратная связь с обществом. В Коалицию начинают поступать сведения о конкретных проявлениях коррупции и злоупотреблениях местного чиновничества. Западные грантодатели не ставят в список задач активную борьбу с коррупцией и коррупционерами. Тем не менее, все поступившие сведения бережно хранятся, компромат на местную власть накапливается и, по мере возможности, выслескивается наружу через печать или народную молву.

Одним из направлений работы Коалиций является отслеживание потенциально коррупциогенных сфер деятельности власти. В частности, в некоторых регионах удалось взять под общественный контроль систему госзакупок. Повод для этого действительно есть: не секрет, что на госзакупках часто объединяются корыстные интересы чиновников и бизнеса, что неизменно заканчивается «прокачкой» бюджетных денег.

Сеть развивается, налаживает связи со своими коллегами в других регионах, обменивается кадрами, опытом, информацией. Сегодня антикоррупционеры уже стоят особняком от участия в политике. Вероятно, зарубежные грантодатели разочаровались в играх в демократию, и держат свои сети для значительно более крупного улова.

На что способна описанная сеть? Никого ни в чём не обвиняя и не подозревая, назовём гипотетически возможные приложения сети.

Представьте себе такую картину: после объявления часа «X» все НГО сети (а в каждом регионе их несколько десятков) начинают заваливать письмами местные ведомства, ответственные за порядок: МВД, ФСБ, прокуратуру. По закону они обязаны отвечать на каждое письмо. Если же хоть одно письмо будет проигнорировано, мало никому не покажется – достанут до Европейского суда! Проверка данных, изложенных в письмах, и ответы на них парализуют работу органов власти на недели. В это же время весь компромат, накопленный на местную власть, начнёт «сливаться» через местные и федеральные СМИ. Причём реальные проблемы будут эмоционально дополнены выдуманными. У зданий администраций начнутся акции протеста и голодовки, широко и в нужном ключе освещаемые журналистами.

Иными словами, практически из ничего в регионе (ещё вчера спокойном и тихом) будет создан социальный кризис. К чему это приведёт, зависит от поставленной задачи. Могут пройти досрочные выборы с последующим входом во власть представителей НГО, прикормленных западными грантами. Либо это закончится очередным переделом собственности, если объектом атаки стали хозяйственные объекты.

Сети экологических организаций, при поддержке НГО из других сфер (но с теми же спонсорами), реально могут выполнять следующие задачи: разведка деятельности стратегических объектов путём ведения «экологического мониторинга» (сбор информации о выбросах веществ в атмосферу, отслеживание изменения радиационного фона вокруг объекта и так далее); препятствование строительству и функционированию стратегических объектов. Здесь арсенал средств велик: от массовых демонстраций с попытками людей кинуться под гусеницы строительной техники до привлечения внимания к экологической проблеме мировой общественности. В ход пускаются «независимые комиссии» – в противовес комиссиям официальным они выносят «единственно верные» и «правдивые» выводы. Потом опусы экологистов разрываются на цитаты, которые и возносятся на знамёна праведной борьбы.

В этом плане классическим может считаться случай, имевший место в 2000 году, когда НГО пытались воспрепятствовать строительству Ростовской атомной станции (РоАЭС). Налицо была стратегическая важность объекта, который должен был обеспечивать электроэнергией весь беспокойный Северный Кавказ.

На борьбу с таким, казалось бы, благим начинанием, поднялась «зелёная» братия почти всей страны. Начались пикеты и выступления в местных СМИ. Минатом был завален исками. После опубликования результатов государственной экспертизы, которая развеяла все опасения по поводу станции, общественные деятели «зелёного» движения со скоростью ветра собрали альтернативную комиссию, давшую прямо противоположное заключение. Картина вырисовывалась пострашнее Апокалипсиса. Другое дело, что для этого потребовалось немало погонглировать фактами. Но для массового агитпропа опорного материала вполне хватало. Экологические НГО проделали поистине титаническую работу. Им удалось склонить на свою сторону не только студентов и интеллигенцию, но и местное казачество, позиции которого на Дону до сих пор сильны. Их можно было даже считать неким подобием силового ресурса, который при большом желании можно было пустить в ход. Этого не произошло. Станцию запустили, несмотря на колоссальное давление общественности. Вряд ли это стоит рассматривать как победу государства. Стойкость Росэнергоатома и министерства частично нашла своё объяснение позже, когда Счётная палата обнаружила значительную утечку денежных средств при строительстве станции. Шкурные интересы бывают сильнее интересов геополитических.

После запуска РоАЭС борьба с ней не утихла. Она перешла в фазу кухонного брюзжания и редких публикаций в прессе. Апогеем стала книга известного ростовского журналиста Василия Вареника «Гибель Ростова», где обстоятельно и со смаком описываются последствия гипотетического взрыва РоАЭС. Мрачные картины, навевающие ужас, вселяют веру в неотвратимость беды. Книга насквозь пропитана антигосударственным духом, за что была в пух и прах растерзана критиками. Но вместе с тем, автор и заказчики книги получили самое главное – пиар. К тому же, получилась неплохая подборка страшилок для противников станции. На случай будущих информационных войн.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что практически все организации, участвовавшие в противостоянии, являются либо дочерними подразделениями заокеанских структур, либо прочно сидят на западных грантах. Естественно, мы не можем бросать тень недоверия на всех, кто протестовал против строительства РоАЭС. Большая их часть была просто «заряжена» грамотной поставленной пропагандой «зелёных».

Манипулируя обрывками фактов, вырванными из контекста цитатами, работая на низшем психическом уровне человека – его страхах, склонности к панике, – его можно заставить

верить в самые неестественные и нелогичные вещи. Например, убедить в том, что для сохранения популяции сумчатых дятлов нужно снести все окрестные оборонные предприятия, а для победы демократии надо ввести в страну войска НАТО. Отрезвление наступает потом, когда, после достижения нужных Генеральному Заказчику целей, человек остаётся у разбитого корыта, а его вчерашние «властители» дум делят свой куш. «Мы метили в коммунизм, а попали в Россию», – очень точно охарактеризовал состояние социального похмелья Александр Зиновьев.

Но пока «обманутые не подозревают, что их обманывают» (это уже из фразеологии идеологов сатанинских сект), машина сетевой войны делает своё дело. Все манипуляции направлены на то, чтобы люди, решающие вопросы, являющиеся целью войны, приняли «единственно верные», «исторически оправданные» решения. Например, во время выборов все усилия сводятся к навязыванию определённого решения электорату. Как бы мы ни обличали лживость демократии и необъективность выборов, электорат остаётся определяющим элементом. Любой специалист скажет, что более чем на 15% фальсифицировать результаты нельзя. Тем не менее, под обработку попадают как члены избирательных комиссий, так и другие кандидаты – с целью морального давления, убеждения их в неотвратимости победы нужного кандидата, либо, на худой конец, их дезинформации для последующего перехвата инициативы. Последнее похоже на то, как японцы во время Второй мировой войны тщательно скрывали превосходные качества своих самолётов от потенциальных противников. В конечном счёте, это дало Японии полгода форы.

Часть четвертая

Сетевые структуры на поле боя

Раз уж мы коснулись военной темы, стоит отметить, что и на поле боя формула сетевой войны успешно действует и будет определяющей в военном искусстве в ближайшие десятилетия. Говоря о милитаристском аспекте сетевых войн, мы к тому же увидим множество замечательных аналогий с «гуманитарными» войнами, описанными выше.

Элементы сетевого противоборства уже давно присутствуют в боевых действиях, которые ведут развитые страны. Например, такую вечную проблему, как обеспечение взаимодействия различных родов войск, американские военные решают по сетевому принципу. В идеале, к которому стремятся в Пентагоне, основной тактической единицей на поле боя станут высокоомобильные моторизованные группы: избегая прямых огневых контактов с противником, они будут координировать в заданном районе действия авиации, ракетных частей и артиллерии. Разведывательное обеспечение таких групп будут вести самолёты дальнего радиолокационного обнаружения (типа «Авакс») и «беспилотники». Сведения об обстановке в режиме реального времени группа станет получать на экраны своих мобильных компьютеров, корректируя на основе получаемых сведений свой маршрут. Таким образом, все имеющиеся силы объединяются в единую интегрированную сеть поля боя, что в целом значительно повысит эффективность каждого элемента сети.

В перспективе можно будет отказаться от использования личного состава с риском для его жизни и посылать на задания дистанционно-управляемую технику (первые образцы сейчас уже проходят испытания в пустынях на западном побережье США) и беспилотные летательные аппараты.

Важное значение издавна уделяется вопросам информационного противоборства. В частности, стало традиционным использование подразделений психологических операций (ПСО),

призванных деморализовать противника, сломить его волю, дискредитировать его ценности. Такие подразделения (правда, в зачаточном состоянии) есть даже в российской армии.

Значение правильной работы с информацией при ведении боевых действий хорошо осознали за рубежом. Всё та же корпорация RAND в 1990-х годах ввела понятие «стратегическое информационное противоборство» (strategic information warfare, SIW). SIW определяется как «использование государствами глобального информационного пространства и инфраструктуры для проведения стратегических военных операций и уменьшения воздействия на собственный информационный ресурс». Информационное пространство, благодаря новым коммуникационным технологиям, стало важной составляющей среды обитания человека, и игнорировать эту среду – значит лишиться мощного рычага влияния на ситуацию.

Принцип современной войны – достижение поставленных целей не в кровопролитной схватке с вооружёнными силами врага, но путём изменения его поведения и принятия им выгодных для агрессора решений. Если взять в качестве примера кампанию США в Ираке, то видно, что информационные войны предваряли, сопровождали и обеспечивали все военные операции. Информационное противоборство шло на всех уровнях, от обычного радиоэлектронного и огневого подавления каналов передачи информации противника – до ведения поразительной пропаганды среди военных и гражданского населения.

В итоге иракское высшее военное руководство и большая часть армии предпочли сложить оружие и разойтись по домам, разуверившись в способности защитить страну. А ведь ещё незадолго до начала войны иракский народ безоговорочно поддерживал своего президента и был готов разорвать каждого, кто покусится на их родину. Конечно, можно всё списать на то, что иракских генералов просто подкупили. Но нельзя купить целый народ.

Пассивное поведение народа Ирака в первый период войны – результат долгой информационной войны, которую США планомерно вели с 1991 года. На головы иракцев и мирового сообщества регулярно выливались сведения о «кровавом» и «порочном» Саддаме Хусейне, о его ядерном и химическом оружии. Этническим меньшинствам регулярно напоминали о былых притеснениях и звали к мести. Неважно, что львиная доля информации была выдумана в Лэнгли, штаб-квартире ЦРУ. Главное – результат: американские войска получили моральное оправдание боины, а благодарный иракский народ крушил статуи своего вождя, ожидая скорого наступления демократического рая. Небывалая цензура в отношении своих и зарубежных СМИ со стороны США, апогеем которой был танковый обстрел гостиницы с журналистами, позволила создать образ сверхпрогрессивной и непобедимой американской армии, идущей мстить за поруганную честь и свободу. Чего только стоит пример оболванивания собственных солдат, которые наносили на свои танки имена рухнувших в 2001 году нью-йоркских небоскрёбов. Они действительно верили, что карают именно тех негодяев, которые спланировали и осуществили тот ужасный теракт.

Значительно большего эффекта удаётся достичь, когда ситуация позволяет минимизировать применение военной силы извне.

Например, в непокорной стране «вдруг» начинается гражданская война, как всегда, народно-освободительная. В братоубийственной боине стораёт военно-экономический потенциал государства, нарушается самоидентификация его граждан. А мировое сообщество в лице пары-тройки держав по мере сил помогает то одной, то другой стороне. Кому едой, кому оружием. И потом в разорённую, разрушенную страну с поредевшим и растерянным населением приходит мир в виде миротворческих контингентов. Вслед за ними идет иностранный бизнес, который будет восстанавливать экономику. Не всю, конечно, а

лишь наиболее рентабельную. Природные ресурсы, проституцию, наркотики. Например, после победы США над Афганистаном экспорт наркотиков из этой маленькой страны увеличился в разы.

Ну и, естественно, интервенты-благотелители сразу же заполняют идеологический вакуум. Разрушили вашу культуру? У нас есть запасная – своя. Хотите, поделимся? Даже если не хотите, всё равно поделимся. Ведь культура, духовные столпы общества были одной из целей войны. Без разрушения национальной самоидентификации, традиционных социальных норм победа не могла произойти. Лёгкая, морально оправданная оккупация, минимум затрат на эти дорогие военные игрушки. Шутка ли – одна крылатая ракета «Томагавк» стоит около миллиона долларов (между прочим, за последнее десятилетие она подорожала в пять раз). Зачем тратить сотню-другую ракет, когда народ сам себя сожрёт?

Подготовка таких войн занимает несколько больше времени, и конечный результат не всегда возможно предсказать. Но игра стоит свеч. Основной упор в таких войнах делается на развёртывание «пятой колонны» внутри самого государства. В этой роли обычно выступают представители власти, общественные и политические деятели. Они-то и создают в отдельно взятой стране необходимую инфраструктуру влияния. Она может называться Гражданским обществом, всеобщим профсоюзным движением – суть не меняется. Люди, задействованные в этих структурах, бывает, самим того не подозревая, ведут необходимую подготовку к будущей войне. Внешне всё выглядит весьма пристойно. Экологи следят за экологической обстановкой и предприятиями-загрязнителями. Правозащитники принимают обращения граждан о фактах коррупции, ущемления их прав и прочее. Проповедники демократических ценностей проводят семинары с приглашением представителей местного истеблишмента, устраивают благотворительные вечеринки. Сотни таких организаций собирают самую разную информацию во всех уголках страны. Из полученного информационного массива впоследствии вырисовывается цельная картина. Ведь недаром разведчики говорят, что 85% всей секретной информации можно узнать, анализируя открытые источники.

Кроме ведения разведки и получения первичной информации о противнике, выполняется другая, не менее важная задача – необходимо вовлечь в сеть как можно больше чиновников, военных, простых людей... После того, как сеть достигнет определённой массы, можно переходить к решительным действиям: от деморализации противника до откровенных диверсий. И здесь всё идёт как по накатанной плоскости – кто-то сидит в тюрьмах, кто-то митингует, кто-то печатает газеты и листовки с призывами. Наименее «одарённая» часть устраивает беспорядки, погромы, создаёт так называемый «гуманитарный кризис». Разбалтываются устои общества, нарушается целостность государственной системы. А там и рукой подать до гражданской войны. Что происходит дальше – см. выше.

Добавим ещё одно приложение теории сетевых войн. Речь идёт об «анонимных» ударах.

Американцы не зря раздували миф о вездесущем международном терроризме. Теперь любой бесчеловечный теракт всегда можно списать на неуловимого Усаму бен Ладена. Теракт может оправдать любую интервенцию. Ведь для доказательства причастности к теракту достаточно чистосердечного признания «бандитов» на видеоплёнке, реализованной через один из подконтрольных телеканалов. Общество не любит сложных схем и интриг, и оно легко поверит и оправдает любую агрессию, особенно если обществу пообещают принести из похода головы террористов. Это широко практикуется Западом, и у нас тоже хорошо усвоили. В Чечне, помнится, после 11 сентября уже находили инструкцию по управлению самолётом «Боинг» на арабском языке.

Геополитики, особенно западные, любят говорить о том, что мир стал другим после уничтожения Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года. Да, действительно, за день был раскручен новый мировой бренд – международный терроризм. Да, действительно, эти события до сих пор служат оправданием неслыханной бойни в Персидском заливе. Но самое страшное – миру был явлен воистину неуязвимый враг, которого нельзя уничтожить, нельзя увидеть, с которым нельзя встретиться в бою лицом к лицу. Этот враг – Аноним. Ведь, в сущности, до сих пор достоверно неизвестно, кто «заказал» 11 сентября. Более того – стало ясно, что от терактов нет и не может быть надёжной защиты. Это значит, что завтра рвануть может где угодно. И кто бы ни стоял за этим, всё будет свалено на неуловимых террористов. И такая версия станет единственной, которую примет общество и любая власть!

Самое страшное, что рано или поздно общество привыкнет и к этим терактам. Сотни и тысячи жертв перестанут впечатлять людей. С этим постоянно сталкиваются рекламщики и пиарщики – один и тот же приём работает до тех пор, пока люди к нему не привыкнут, пока их сознание не выработает иммунитет. Тогда приходится придумывать что-то новое, более масштабное. Остаётся уповать лишь на Господа, чтобы террористам не передали ядерное оружие. К сожалению, при нынешнем развитии ситуации это вопрос времени.

Формат ядерной войны в будущем изменится. Это раньше ядерные сверхдержавы готовились к обмену ядерными ударами. Превентивные удары, встречно-ответные, удары возмездия... Любой из вариантов вёл к кошмару атомной войны, гибели всего живого на Земле.

Всё меняется, когда удар полностью анонимен. На плечах безымянных террористов (которые также существуют по сетевому принципу, а значит, практически неуязвимы) боеголовки можно доставить точнее и с меньшими политическими рисками, чем с помощью ракет и дальней авиации. Одним ядерным террористическим актом в административном центре государства можно разом обезглавить страну. Разом гибнут центральные СМИ, министерства, верхушки ведомств и так далее. Страна становится на какое-то время абсолютно неуправляемой. Занесённый кулак ответного удара остаётся зависшим в воздухе – формально бить некуда и некого. Народ в шоке, а выжившая государственная элита начинает судорожно делить бесхозную власть, что неминуемо приводит к столкновению интересов разных группировок. Силовые попытки восстановления порядка выжившими генералами проваливаются на корню, парализованные протестами Гражданского общества и окружающих его экстремистских группировок. Хаос, анархия, гуманитарная катастрофа – прекрасный повод для мирового сообщества ввести свои войска. Естественно, исключительно с гуманитарной миссией.

В итоге мы имеем лишь относительно небольшой участок заражённой местности, деморализованную и обезглавленную страну: ей нечего противопоставить «гуманитарной» агрессии, ведь всё руководство, которое может принимать решения на противодействие, уничтожено.

Резюме

Представьте себе такую картину: в какой-то момент правительство перестаёт заботиться о ракетных войсках стратегического назначения, вынуждая их обращаться за финансовой помощью к иностранным государствам и внутренним полукри-

минальным олигархическим группировкам. И вот такая структура живёт и процветает, носит вроде бы российскую форму, живёт по российским уставам, но кормится с чужой руки. Выглядит пугающе? Скорее абсурдно, поправит читатель.

Тем не менее, в нашей стране складывается похожая ситуация. Тысячи негосударственных организаций собралы в свои сети сотни тысяч наших сограждан. В сферу их влияния попадают десятки миллионов человек. Если однажды даже десятая часть этих организаций окажется инструментом информационной войны – последствия могут быть похлеще самых ужасных терактов.

Но государство и национально-ориентированный бизнес (если таковой вообще есть) упорно продолжают игнорировать этот сравнительно новый источник власти. Нет, конечно, это не значит, что наша «элита» не признаёт негосударственные организации. Президент созывал даже как-то Гражданский форум, да периодически журит российское Гражданское общество за ориентацию на западные гранты. При этом ничего не предлагая взамен, что свойственно нашим государственным мужам.

Впрочем, самые ушлые общественники находят спонсоров внутри страны. Благо, с некоторых пор на негосударственные организации стали засматриваться некоторые российские олигархические группы. Некоторые даже строят «своё» Гражданское общество. Строят по-комсомольски прямолинейно, по западным стандартам, с западной помощью. А посмотришь со стороны – так просто хрестоматийная сетевая структура получается, чуть ли не иллюстрация к докладам корпорации RAND. А что – подобная забава нашим нуворишам вполне по карману.

К примеру, бюджет той же «Открытой России», выпестованной ЮКОСом, по имеющейся информации, не превышает 3-4 миллиона долларов в год. Не стоит удивляться щедрости нефтяной компании – это не только ее деньги. «Открытую Россию» весьма ощутимо спонсирует Госдеп США через USIAD. Осенью 2003 года USAID и «Открытая Россия» договорились о выделении 13 миллионов долларов на пятилетку программ по «демократизации».

Деятельность «Открытой России» затрагивает множество сфер. Официальная цель – построение Гражданского общества. Так оно и есть на самом деле, с той поправкой, что это общество (или общность) будет управляемым. Чего стоят только благотворительные программы по поддержке региональной журналистики. На первый взгляд, все выглядит благочинно: талантливых журналистов из провинции приглашают на тренинги, семинары, которые проводятся профессиональными мастерами печатного слова. Наиболее способных приглашают в Москву, где знакомят с известными и влиятельными людьми, даря молодым дарованиям эксклюзивную базу ньюсмейкеров, что является хорошим подспорьем при поиске престижной работы. Но вот незадача: «выпускники» этой программы, которых должны были обучать всему лучшему, что свойственно этой профессии, начинают в своих статьях оголтело поливать грязью чиновничество, силовиков, власть.

Конечно, без этого порой трудно обойтись, государство дает слишком много поводов для критики пылливому уму. Но когда критика становится самоцелью, да еще и приобретает массовый характер – появляются разные нехорошие мысли. Не являются ли молодые региональные журналисты солдатами некой безумной войны с государством? Солдатами, воспитанными и обученными преимущественно на зарубежные деньги?

Если так, то наше государство обречено. Ему просто нечем ответить.